

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

И. Ф. Фихман

ОКСИРИНХ
город
папирусов

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1976

Ответственный редактор
академик
М. А. КОРОСТОВЦЕВ

ВВЕДЕНИЕ

Данное исследование ставит перед собой задачу рассмотреть вопросы социально-экономического развития египетского города в период перехода от древности к средневековью на основе монографического изучения города Оксиринха. Выбор Оксиринха в качестве объекта исследования объясняется рядом причин. Оксиринх, хотя и был городом, игравшим заметную роль в экономической, административной и культурно-религиозной жизни Египта, все же не занимал исключительного положения среди египетских городов ни по своему историческому прошлому, ни по своему политическому и экономическому значению или особому юридическому статусу. Поэтому он в несравнимо большей степени, чем Александрия или Антиноя, может считаться «типичным» египетским городом, т. е. таким городом, изучение которого могло бы помочь выяснению структуры и закономерностей развития большинства египетских городов примерно того же ранга и положения¹. От Оксиринха, или «города папирусов» (Vercissia, 1957), сохранилось наибольшее число документальных данных. Хотя они далеко не полные, к тому же не совсем равномерно освещающие различные аспекты городской жизни и деятельности, все же ни по какому другому египетскому городу мы не располагаем материалом, равным оксиринхскому количественно и качественно². Наконец, несмотря на обилие публикаций оксиринхских текстов, Оксиринх IV — середины VII в. при сравнительно хорошей изученности отдельных касающихся города вопросов, в особенности римского его периода, не стал еще предметом всестороннего монографического исследова-

В монографии впервые исследуются социально-экономические отношения в египетском городе на рубеже древности и средневековья на материале г. Оксиринха, от которого до нас дошло наибольшее количество документальных данных, освещающих с необычайной полнотой самые разнообразные аспекты социально-экономических отношений и раскрывающих основные тенденции их развития.

В работе рассматриваются численность и этнический состав населения, аграрные и социальные отношения, экономика города. Оксиринхский материал позднеимперского и византийского времени сопоставляется с данными предшествующего периода, а также — в ряде случаев — с материалом, относящимся к другим египетским городам.

Исследование позволяет проследить глубокие изменения во внутренней жизни Оксиринха и сделать ряд важных выводов относительно развития египетского города в период перехода от рабовладельческого строя к феодальному.

10603-149
Ф 013(02)-76 —108-76

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1976.

¹ О необходимости изучения «небольших городов» см. Biezińska-Malowist, 1969в, с. 77.

² Это высказанное Виламовиц-Мэллендорффом утверждение (Wilamowitz-Moellendorf, 1898, с. 675—676) остается в силе по сей день.

дования³. Такое исследование Оксиринха не просто дополнит наличную литературу о египетских городах⁴, а, надеемся, позволит получить более полное и точное представление о египетском городе этого периода вообще⁵.

Из сказанного выше уже ясно, что основными источниками по истории Оксиринха данного периода, а следовательно, и настоящей работы являются папирусы и в несравнимо меньшей степени острака. Надо сказать, что Б. П. Гренфелл и А. С. Хэнт, которым принадлежит заслуга проведения первых и основных раскопок Оксиринха, приведших к обнаружению многих тысяч папирусных текстов⁶, ставили перед собой, по признанию самого Б. П. Гренфелла, задачу найти папирусы птолемеевского времени и раннехристианские тексты⁷. Тексты же византийского времени интересовали Б. П. Гренфелла и А. С. Хэнта значительно меньше⁸.

³ Ср. замечания Х. И. Бэлла, одного из издателей оксиринхских папирусов, по поводу диссертации Х. Мак Леннана {JRS, XXX (1940), с. 203 и CR, LIV (1940), с. 174}. Новые публикации могут, конечно, кое в чем изменить сложившееся представление об Оксиринхе, но вряд ли следует из-за этого откладывать до бесконечности комплексное изучение уже изданного материала. При оптимальном варианте полная публикация оксиринхских текстов может быть завершена не раньше чем через несколько десятков лет, к тому же мы никогда не сможем с уверенностью утверждать, что весь уцелевший оксиринхский материал найден и полностью опубликован.

⁴ Монографии о египетских городах перечислены у Bataille, 1955, с. 47—48; см. также: Schubart, 1950; Riad, 1957; Roeder, 1959; Bernand, 1966; Diz., I, 2, s. v. *Antaioupolis, Antinooupolis*; Михаловский, 1970; Fraser, 1972.

⁵ Необходимость изучения отдельных византийских городов в качестве предварительного этапа, без чего невозможно составление научного представления о развитии византийского города в целом, не подлежит сомнению, см., например, из последних работ редакционную статью ВДИ, 1960, № 1, с. 88; Кагауанпулос, 1967, с. 182 и в особенности замечания Удадьцовой (1969, с. 215), специально выделившей в качестве важнейших периодов, подлежащих монографическому исследованию, IV—VI вв. и поздневизантийскую эпоху. Соображения Клауде (Claude, 1969, с. 8—9, 14) о преждевременности проведения подобных исследований, в связи с отсутствием археологических данных для большинства византийских городов, не могут касаться Оксиринха, раскопки которого давно завершены.

⁶ Подробные отчеты о раскопках: EEF, AR, 1896—7, с. 1—12; 1902—3, с. 5—9; 1903—4, с. 14—17; 1904—5, с. 13—17; 1905—6, с. 8—16; 1906—7, с. 8—11; сообщения в периодической печати см.: Mertens, 1958, с. 135.

⁷ EEF, AR, 1896—7, с. 1; 1902—3, с. 5; 1904—5, с. 14. Английских археологов привлекало и то, что ни город, ни кладбища не носили следов разграбления (EEF, AR, 1896—7, с. 1). Как выяснилось потом, многие могилы были разграблены еще в древности, но и в могилах, избежавших разграбления, ничего ценного не было найдено (там же, с. 4; см. и 1905—6, с. 13). Кроме того, в Оксиринхе находились захоронения многих известных арабских шейхов (EEF, AR, 1896—7, с. 2), что не могло не затруднить раскопки (там же, с. 9, и в особенности Breccia, 1957, с. 75—77).

⁸ Этим объясняется их отрицательное отношение к дальнейшему проведению раскопок в Оксиринхе, поскольку раскопки должны были при-

В том, что касается ранних христианских текстов, принятые раскопки себя полностью оправдали чуть ли не со второго дня (EEF, AR, 1896—7, с. 6). Птолемеевские же папирусы в сколько-нибудь заслуживающем внимания количестве найти не удалось, так как в птолемеевские слои просочилась влага, что, естественно, привело к уничтожению почти всего папирологического материала, как известно не переносящего сырости⁹. Зато было обнаружено огромное количество греческих папирусов римского и византийского времени¹⁰, включая и тексты на пергамене, а также некоторое количество демотических¹¹, латинских¹², еврейских¹³, коптских¹⁴, сирийских¹⁵ и арабских текстов¹⁶, а также несколько сотен острака¹⁷, ряд надписанных обломков амфор¹⁸, деревянных табличек¹⁹, костей (EEF, AR, 1905—6, с. 16), печатей²⁰, большое количество монет²¹, свинцовых жетонов (EEF,

вести только к пополнению архива византийских текстов (EEF, AR, 1904—5, с. 14). Хотя раскопки и были продолжены, отношение к византийским папирусам не изменилось (EEF, AR, 1905—6, с. 8; ср. 1906—7, с. 8).

⁹ Некоторое количество папирусов птолемеевского времени все же было обнаружено: EEF, AR, 1903—4, с. 15; 1904—5, с. 13; 1905—6, с. 9.

¹⁰ EEF, AR, 1896—7, с. 7, 8, 9, 11; 1902—3, с. 6; 1903—4, с. 15; 1904—5, с. 14; 1905—6, с. 9, 10, 12, 13; 1906—7, с. 8—9.

¹¹ EEF, AR, 1896—7, с. 11; 1903—4, с. 15. Демотические папирусы греко-римского времени оксиринхского происхождения, по сведениям известного демотиста Пестмана (Pestman, 1969, с. 166), не изданы, за исключением опубликованного им. P. Strasb. dem., inv. 165. Что же касается демотических острака, хранящихся в Пизе (числом более тысячи), то их публикация недавно начата: Bresciani, 1966; Pernigotti, 1968; Bresciani, 1971.

¹² EEF, AR, 1896—7, с. 11; 1902—3, с. 6, 8; 1905—6, с. 9; 1906—7, с. 8; см. CPL.

¹³ EEF, AR, 1904—5, с. 13; см.: Cowley, 1903; 1915; Neppi Modona, 1923a; 6; De Boer, 1951.

¹⁴ EEF, AR, 1896—7, с. 11; 1903—4, с. 15; 1906—7, с. 8, 9. Незначительное количество коптских текстов и то, что они не были обнаружены среди архивных находок, свидетельствуют, как указывает Б. П. Гренфелл, что в Оксиринхе мало писали по-коптски. Как нам любезно сообщил проф. А. А. Шиллер, коптские тексты, хотя над ними и работал У. Крам, еще не опубликованы. Записи У. Крама хранятся в Институте Гриффиса (письмо проф. А. А. Шиллера от 5 октября 1970 г.).

¹⁵ EEF, AR, 1904—5, с. 13; см. Margoliouth, 1915.

¹⁶ EEF, AR, 1896—7, с. 7, 9—11; 1903—4, с. 15; 1904—5, с. 14; см. Хусейн, 1962, с. 236; Grohmann, 1966, с. 56, 64, 68, 71, 73, 74, 83.

¹⁷ EEF, AR, 1896—7, с. 9; 1903—4, с. 16 (см. SB, I, 1941; 2251; 2252+2254; 2253); 1904—5, с. 15—16 (см. SB, I, 1947—1960); 1905—6, с. 9 (см. SB, I, 1974—1983).

¹⁸ EEF, AR, 1902—3, с. 7 (см. SB, I, 1939—1940); 1904—5, с. 15 (см. SB, I, 1945—1946); 1906—7, с. 10—11 (см. SB, I, 1984, 1989).

¹⁹ EEF, AR, 1905—6, с. 15 (см. SB, I, 1987); 1906—7, с. 11 (см. SB, I, 1988).

²⁰ EEF, AR, 1905—6, с. 15 (см. SB, I, 1985); 1906—7, с. 11 (см. SB, I, 1986; в SB, I ошибочно указано 1905—6).

²¹ EEF, AR, 1896—7, с. 9; 1902—3, с. 7, и Milne, 1922.

AR, 1896—7, с. 10) и некоторое число предметов бытового назначения²².

Разрешение на раскопки было выдано осенью 1896 г. Ф. Питри и Б. П. Гренфеллу, но Ф. Питри уступил Оксиринх Б. П. Гренфеллу и А. С. Хэнту, с именами которых и связана история обнаружения и публикации оксиринхских папирусов. Работы были начаты 11 января 1897 г. и продолжались до 15 апреля, завершившись огромным успехом. Затем Оксиринх был на время покинут Б. П. Гренфеллом и А. С. Хэнтом в связи с перенесением ими своих раскопок — в поисках папирусов птолемеевского времени — в Фаюм. В Оксиринхе они были возобновлены в конце февраля 1903 г., но в отличие от 1897 г., когда Б. П. Гренфелл и А. С. Хэнт стремились к получению наибольшего количества папирусов в кратчайший срок, теперь было начато систематическое и методическое обследование всей подлежащей раскопкам территории до полного его завершения, что, естественно, заставило исследователей копать в Оксиринхе, включая и места, где проводились раскопки в 1897 г., в течение еще пяти сезонов: 1902—3 — 1906—7 гг.

Основные папирологические находки были сделаны в районе мусорных куч, не превышавших высоты 12 м (EEF, AR, 1896—7, с. 6). Папирусы находились сравнительно недалеко от поверхности и редко на глубине ниже 4 м, где они подверглись разрушительному воздействию влаги²³. Тексты, найденные в одной мусорной куче, как правило, относились хронологически к одному-двум векам. Правда, были обнаружены и кучи с большей разницей в возрасте папирусных слоев, а также смешанные кучи, объединявшие, по существу, несколько меньших разновременных куч, покрытых общим более поздним слоем (EEF, AR, 1896—7, с. 7—8). В ряде случаев обнаружены и корзины, в которые были выброшены папирусы²⁴. Ближе к деревне находились средневековые арабские папирусы, дальше от нее — папирусы I—IV вв., посередине были папирусы V—VII вв., среди которых иногда оказывались и арабские тексты первых веков арабского господства в Египте (EEF, AR, 1896—7, с. 7, 11; 1906—7, с. 9).

Хотя Б. П. Гренфелл и А. С. Хэнт дали в своих отчетах довольно обстоятельное описание раскопок с соответствующими сведениями об обнаруженных папирусах, в настоящее

²² Глиняные затычки к кувшинам, туалетные приборы, инструмент, изделия из дерева, слоновой кости, стекла, золота и т. д.

²³ EEF, AR, 1896—7, с. 7. В некоторых местах влажный слой обнаруживался только на глубине 7 м (EEF, AR, 1903—4, с. 15; ср. 1905—6, с. 9).

²⁴ EEF, AR, 1896—7, с. 8. В подавляющем большинстве случаев в корзинах были тексты делового и личного характера, но попадались и корзины с литературными текстами (EEF, AR, 1905—6, с. 12).

время локализовать эти находки трудно, поскольку намеченный к публикации в Р. Оху., V план Оксиринха, с указанием места раскопок²⁵, так и не был закончен Б. П. Гренфеллом, а сохранившиеся в его бумагах черновые наброски, по общению исследовавшего их Э. Г. Тэрнера, недостаточны для этой цели²⁶.

После Б. П. Гренфелла и А. С. Хэнта раскопки велись в основном итальянскими учеными: Э. Пистелли в 1910 и 1913—14 гг. и Э. Бреччой в 1927—1928, 1932 и 1934 гг., а также Ф. Питри в 1922 г. Кроме того, следует учитывать и раскопки, проводимые местным населением в поисках себаха, начатые в 1904 г. и достигшие колоссального размаха к началу 20-х годов. Побочным результатом этих раскопок было обнаружение отдельных папирусов, которые в дальнейшем оказались в различных коллекциях²⁷. Наконец, некоторые папирусы оксиринхского происхождения были увезены еще в древности в другие населенные пункты и обнаружены там²⁸.

При всей их многочисленности (сравнительно с папирусами, дошедшими до нас из других египетских городов), хранящиеся ныне в разных собраниях мира оксиринхские папирусы составляют ничтожную часть огромной документации, некогда бывшей в обращении в этом городе. К сожалению, не опубликованы еще и папирусы, которые удалось спасти от гибели. Это, разумеется, не может не таить в себе опасности «сюрпризов» как в смысле выявления документов, освещающих по-новому некоторые стороны жизни города, так и в отношении изменения наших представлений о степени типичности, частотности тех или иных ее особенностей. По высказанному Э. Г. Тэрнером предположению (Turner, 1952a, с. 78), к 1952 г. было издано менее половины найденных оксиринхских текстов. Несмотря на продолжавшуюся публикацию текстов, он оставляет в силе эту оценку в своей книге,

²⁵ EEF, AR, 1904—5, с. 17; в EEF, AR, 1905—6, с. 16 сообщается, что публикация плана откладывается до завершения раскопок. Фотография местности, на которой некогда был Оксиринх, приведена в виде приложения к Turner, 1956, с. 146.

²⁶ Turner, 1952a, с. 80. Единственные догадки, которые Э. Г. Тэрнер позволил себе высказать, заключаются в том, что раскопанный Ф. Питри в 1922 г. театр находился к западу от возвышенности 26 (на плане Б. П. Гренфелла) и, следовательно, обнаруженные тогда Ф. Питри фрагменты колоннады представляют собой часть *Notos dromos* (см. и Turner, 1968, с. 80).

²⁷ Папирусы из Оксиринха продолжают поступать таким путем в научные собрания вплоть до сегодняшнего дня, см., например, Р. IFAO, inv. 339 (98—117 гг.); 337 (II в.) (Boyaval, 1970, с. 15 и 5).

²⁸ См., например, Р. Berol., inv. 11314 и 11315, раскопанные О. Рубензоном в Ермуполе (Borkowski, 1968, с. 325) или ВГУ, III, 936 = W. Chrest., 123 (426 г.), см. Wilcken, 1901, с. 408; Р. Berol., inv. 11314 перенесен в SB, X, 10555.

законченной им в 1965 г. (Turner, 1968, с. 45). Эта оценка относится к папирусам, раскопанным Б. П. Гренфеллом и А. С. Хэнтом и находящимся в собственности «Общества по изучению Египта»²⁹.

Оксиринхские папирусы публикуются в первую очередь в изданиях тех научных учреждений, которые в свое время производили там раскопки, т. е. «Греко-римского отдела Фонда исследования Египта»³⁰ и «Итальянского общества по исследованию греческих и латинских папирусов»³¹. Первый издает в рамках своих «Греко-римских ученых записок» (GRM)³² известную во всем мире образцовую серию «Оксиринхские папирусы» (P. Oxy.), второе — крупнейшую итальянскую публикацию папирологических текстов «Греческие и латинские папирусы» (PSI). Как это обычно бывает с папирусами, относящимися к одной местности и даже к одному архиву, тексты оказываются в разных собраниях. Поэтому во многих хранилищах, а следовательно, и публикациях папирусов римского и византийского времени (редко птолемеевского) можно найти и оксиринхские папирусы, в той или иной связи касающиеся города. Принадлежность к Оксиринху устанавливается по данным топографического, ономастического, просопографического, дипломатического и иного характера. Какая-то часть оксиринхских текстов имеется и среди папирусов, происхождение которых осталось неустановленным.

Оксиринхские папирусы образуют неоднородную массу источников. Прежде всего следует отметить хронологическую неравномерность распределения материала: при сравнительном обилии папирусов IV и VI вв. очень мало текстов V и первой половины VII в. Малочисленность папирусов V в. — явление общеегипетское, к тому же очень досадное, поскольку оно лишает возможности проследить глубокие изменения в социально-экономической жизни страны, имевшие место именно в это время, на что уже обратили внимание исследователи (см.: Фихман, 1965а, с. 10₁₁). Как показал Ремондон (Rémondon, 1966а), снижение числа папирусов касается текстов административного характера, частотность же частных документов не претерпела существенных изменений. Объясняется это глубокими сдвигами в социально-экономической струк-

²⁹ Местонахождения оригиналов опубликованных оксиринхских папирусов приведены Коульзом (Coles, 1974, с. 7—40).

³⁰ Egypt Exploration Fund, Graeco-Roman Branch (позже: Egypt Exploration Society). О нем: Preisendanz, 1933, с. 134—147.

³¹ Società italiana per la ricerca dei papiri greci e latini. О нем: Preisendanz, 1933, с. 225—228.

³² Недавно в работу по изданию оксиринхских папирусов включилась и Британская Академия наук, что позволяет надеяться на ускорение темпов публикации.

туре Египта и административно-финансовом устройстве, в первую очередь упадком муниципальной жизни и ростом крупного светского и церковного хозяйства. Что же касается папирусов VII в., то здесь сказались последствия политических событий, в первую очередь сасанидской оккупации.

Говоря об источниковедческой базе исследования, следует отметить и структурное изменение папирологического материала. Тексты IV в. весьма разнообразны, освещают довольно обстоятельно различные стороны жизни города (управление, экономику, взаимоотношения с государством и т. д.). Папирусы же конца V, VI и начала VII в. страдают известной односторонностью и дают не столько подробную характеристику города и городской жизни, сколько отражение города в документации крупных имений и отдельных лиц. Безусловно, состояние наших источников отражает в целом истинное положение дел в Оксиринхе, где деятельность крупных землевладельцев оказывала большое воздействие на городские дела. Все же нельзя целиком сбрасывать со счета и момент случайности находок.

Как уже отметил Тэрнер (Turner, 1962а, с. 78), об Оксиринхе писалось «удивительно мало», разумеется не в прямом смысле этого слова, а принимая во внимание обилие и ценность обнаруженных там текстов. При этом менее всего повезло последнему периоду истории города. Работы, касающиеся Оксиринха, стали появляться сразу же после начала издания оксиринхских текстов. Публикуются и статьи, посвященные отдельным изданным папирусам либо представляющие собой издание новых текстов, материальных памятников или отчеты о раскопках.

Обобщающих работ, охватывающих всю историю Оксиринха, очень мало. По существу, таковыми можно назвать только статьи в энциклопедиях³³, но и в них материал подан неравномерно. Так, например, Х. Кес основное внимание уделяет фараоновскому Оксиринху и вопросам религии, а статьи в «Энциклопедии ислама» (Becker, 1913; Wiet, 1960) касаются арабского периода истории города. Обстоятельные статьи Тэрнера (Turner, 1952а; б) преимущественно посвящены римскому Оксиринху, прежде всего его роли в литературной и культурной жизни Египта (см. и Turner, 1956; 1963). Краткая статья Бреччи (Breccia, 1957) дает в основном живую, написанную в значительной мере по личным воспоминаниям историю раскопок Оксиринха.

Единственным монографическим исследованием всей истории Оксиринха остается диссертация Мак Леннана (Mac

³³ Например, Kees, 1942; Dizionario enciclopedico italiano, VIII (1958), с. 699; Enciclopedia Hoepli, V (1962), с. 349—350; The Encyclopaedia Americana, XXI (1963), с. 79d; W. H., 1970.

Leppan, 1935; переиздана: Amsterdam, 1968). Византийскому периоду посвящены главы IV—VIII (с. 38—90). Разумеется, в небольшой работе трудно подробно и всесторонне рассмотреть семивековую историю социально-экономического развития города. Следует, однако, отметить, что автор, по-видимому, и не пытался это сделать. Конкретное исследование заменено общими социологическими рассуждениями и обобщениями. Экономическая история города, по существу, не нашла своего отражения в работе. Вместо тщательного анализа и сопоставления источников часто даются длинные цитаты из переводов папирусов без должного учета литературы вопроса³⁴. Можно с полным основанием присоединиться к замечанию Э. Г. Тэрнера (Turner, 1952a, с. 78), одного из крупнейших специалистов по Оксиринху, что исследование Х. Мак Леннана получилось «односторонним и схематичным».

Частные же исследования посвящены самому широкому и разнообразному кругу вопросов, рассматриваемых иногда на протяжении всей истории Оксиринха, обычно же определенного отрезка времени, преимущественно римского. Сюда относятся исследования по топографии Оксиринха и оксиринхского нома, а именно диссертация Ринка (Rink, 1924) и незаконченные, к сожалению, исследования А. Кальдерини (Calderini A., 1925a; б), монография Мертенса об организации службы актов гражданского состояния и контроля над населением Оксиринха в III в. (Mertens, 1958), содержащая и ряд ценных приложений, статья Сингалевича о составе населения Оксиринха в I—III вв. н. э. (Сингалевич, 1913)³⁵, исследования, посвященные работе отдельных оксиринхских организаций, должностных лиц, групп населения³⁶, изучению некоторых аспектов экономики города³⁷, отдельных оксиринхских архивов³⁸, христианства и христианской церкви³⁹

³⁴ Достаточно сказать, что ни в тексте работы, ни в библиографии (с. 91) не упоминаются даже такие основополагающие исследования, как: Gelzer, 1909; Rouillard, 1928; Hardy, 1931.

³⁵ См. и Fichman, 1971; Фихман, 1972а.

³⁶ Сингалевич, 1914; Jouguet, 1919; Turner, 1937; Mertens, 1960; Borkowski, 1968; Фихман, 1971г; 1972б; в; 1974а; 1975а; в; Fichman, 1973; Fikhman, 1974.

³⁷ Brewster, 1927; 1931; Hombert, Préaux, 1948; Jaczynowska, 1951; Swiderek, 1953; Biscottini, 1966; Фихман, 1968а; 1971а; б; 1974б; 1975б; Fichman, 1974; Fikhman, 1973.

³⁸ Brewster, 1927; 1931; Hombert, Préaux, 1948; Swiderek, 1953; Haelst, 1958; 1966; Biscottini, 1966; 1967; Vandoni, 1968, с. 439—440; Turner, 1970; Bastianini, 1971.

³⁹ Pfeilschifter, 1917; Delehay, 1924; Modena, 1937; 1939. Статья A. N e r p p i M o d o n a, Documenti della primitiva letteratura cristiana in recenti papiri di Ossirinco, — «Bilychnis», XIV (1924) нам недоступна. Обещанное Пфайльшифтером продолжение (Pfeilschifter, 1917, с. 257) не вышло.

и другим вопросам⁴⁰. Особо следует отметить большое количество мелких и крупных работ, посвященных отдельным текстам. К этому следует добавить, что, по существу, нет и не может быть работы, рассматривающей тот или иной вопрос римского или византийского Египта, в которой бы не привлекался широко оксиринхский материал⁴¹. Поэтому можно с полным основанием утверждать, что библиография Оксиринха включает значительную часть библиографии всего римско-византийского Египта. Сюда относятся даже работы, непосредственно не посвященные Египту, но использующие оксиринхский материал для решения вопросов общемперского плана и для выявления путем сравнения и сопоставления специфики других провинций империи. Мы имеем в виду как литературу, посвященную империи в целом (например, Rostovtzeff, 1957; Rémondon, 1964; Jones, 1964 и т. д.), так и работы по истории позднеантичного и ранневизантийского города, в частности монографии Джонса (Jones, 1937; 1940; ср. 1955)⁴².

В русской и советской историографии Оксиринх не был предметом специального рассмотрения, если не считать статей Сингалевича (1913, 1914) и автора данного исследования. Немногочисленные папирусы оксиринхского происхождения, хранящиеся в советских собраниях, опубликованы в P. Ross. Georg., переводы многих текстов включены в советские хрестоматии по истории античности, Византии и средних веков. В то же время следует отметить, что отдельные оксиринхские тексты были использованы в ряде работ русских дореволюционных и в особенности советских исследователей —

⁴⁰ Например: Kenyon, 1921; Milne, 1922; Petrie, 1925; Schneider, 1930; 1933; Turner, 1956; Kunderewicz, 1961a; Bingen, 1967a; Lidov, 1968; Hagedorn, 1973б; Carter, Hopkins, 1974 и т. д.

⁴¹ Имеются и хрестоматии, составленные только из оксиринхских текстов. Laudien, 1912; Meecham, 1923.

⁴² Вызывает удивление, что Клауде (Claude, 1969, с. 947) исключил из своей книги материал, касающийся египетских городов. Ссылка на специфику источников и на особенности развития египетских городов (с. 947, 108) не оправданна. Своя специфика в той или иной мере была у каждой провинции, и даже в пределах одной и той же провинции города отличались друг от друга. Отсутствие египетского материала тем более необъяснимо, что автор рассматривает подробно не только данные, относящиеся к Киренаике, Африке, Италии, но даже к Франкской Галлии и к сопредельным с Византией восточным областям. Правда, кое-где приводится египетский материал (подробнее всего рассматривается город св. Минны — с. 210—213), в том числе и оксиринхский (с. 31, 72, 88—89, 97, 108, 144, 163, 188), но в минимальной мере, да и то только по статье Пфайльшифтера (Pfeilschifter, 1917). Не менее удивителен отказ от использования советских работ со ссылкой на незнание языка (с. 2) — довод, совершенно недопустимый в исследовательской работе. Что бы сказал Д. Клауде, если бы под подобным предлогом в иностранной работе была оставлена за бортом немецкая литература по теме?

И. Д. Амусина, П. В. Ернштедта, К. К. Зельина, А. П. Каждана, О. О. Крюгера, М. В. Левченко, С. Я. Лурье, Н. В. Пигулевской, А. Б. Рановича, М. Я. Сюзюмова, З. В. Удальцовой, Г. Ф. Церетели и др.

Значение советской историографии этим, однако, не исчерпывается. Советские исследователи, в особенности в послевоенный период, проделали огромную работу по изучению позднеантичного и протовизантийского города, прежде всего различных аспектов его социально-экономического развития, в рамках как общеисторических исследований, так и специальных, посвященных монографическому изучению отдельных городов или групп городов. Мы имеем в виду труды Беляева (1970), Бокшанина (1960), Голубцовой (1969б, 1972), Гуревича (1955), Дилигенского (1959, 1961б), Каждана (1953, 1954, 1956, 1960, 1961), Колосовской (1973), Корсунского (1965, 1969), Кошеленко (1960), Кругликовой (1966), Кудрявцева (1954), Курбатова (1956, 1960, 1962, 1965; История Византии, I, с. 101—128; 1971, 1973), Левченко (1956), Липшиц (1953, 1961а; б), Машкина (1951), Мурыгиной (1972), Пигулевской (1940, 1956, 1961, 1969), Рановича (1949), Саркисяна (1960), Свенцицкой (1969), Сюзюмова (1953, 1956а, б, 1960, 1961, 1962, 1965, 1966, 1967), Удальцовой (1959; История Византии, I, с. 219—245; 1969, с. 96—101, 195—215), Шифмана (1971, 1973), Штаерман (1957, 1969, 1973) и др. Хотя в этих работах египетский материал либо совсем не используется или используется только попутно, хотя некоторые из этих работ не только территориально, но и хронологически не имеют прямого отношения к нашему исследованию, сделанные в них наблюдения и выводы представляют большую ценность для исследования египетского города, способствуя лучшему пониманию аналогичных явлений и раскрывая как пробелы в египетской документации, так и несомненные различия в развитии отдельных сторон социально-экономической жизни города.

Данное исследование является закономерным продолжением книги автора, посвященной изучению египетского ремесла (Фихман, 1965а), результаты которой были, естественно, использованы в данной работе. В процессе многолетнего изучения темы отдельные части или разделы работы публиковались в развернутой форме и в виде кратких сообщений⁴³. Работа над рукописью была завершена осенью 1972 г. В ходе подготовки книги к печати автору пришлось опустить некоторые разделы (например, большой раздел о патроциниях),

⁴³ Фихман 1966; 1967а; б; в; г; 1968а; б; в; 1970; 1971а; б; в; г; 1972а; б; в; 1973а; б; 1974а; б; 1975а; б, в; Fichman, 1969; 1971; 1973; 1974; Fichman, 1970; 1973; 1974; 1975

снять все таблицы⁴⁴, сократить текст, научный аппарат и библиографические описания в списке сокращений.

При окончательном оформлении работы автор учел замечания и советы рецензентов и коллег. Он рад возможности выразить здесь свою глубокую благодарность акад. Б. Б. Пиотровскому, А. В. Банк, Н. Н. Залесскому, К. К. Зельину, Е. Э. Липшиц, Г. Х. Саркисяну, М. Я. Сюзюмову, К. Н. Юзбашяну и другим своим коллегам⁴⁵.

⁴⁴ Часть таблиц опубликована: Fichman, 1973, с. 156—206; Фихман, 1974а, с. 64—87.

⁴⁵ Ссылки на литературу, которую не удалось учесть в процессе редактирования книги, см. в разделе «Addenda».

RÉSUMÉ

I. F. Fikhman. *Oxyrhynchus* — «cité des papyrus». *Les relations sociales et économiques de la ville égyptienne du IVe au milieu du VIIe siècle.*

Le choix d'Oxyrhynchus comme objet de recherche s'explique par plusieurs considérations. Quoique Oxyrhynchus ait joué un rôle important dans la vie économique, administrative, culturelle et religieuse de l'Égypte il n'occupait une place exceptionnelle parmi les villes égyptiennes ni par son passé historique, ni par sa contribution économique, ni par son statut juridique. C'est pourquoi on peut le considérer comme ville égyptienne «typique» dont l'étude pourrait faciliter l'éclaircissement de la structure et de l'évolution historique de la plupart des villes égyptiennes. C'est d'Oxyrhynchus ou de la «cité des papyrus» comme on l'appelle parfois que nous est parvenu le plus riche matériel documentaire. Enfin, quoique nous disposions de plusieurs études spéciales sur différents problèmes (la topographie, l'organisation des services de l'état civil et du contrôle de la population, certaines organisations et services municipaux, quelques aspects de la vie économique, les archives, le christianisme etc.) il n'y a pas encore d'étude d'ensemble consacrée entièrement à la période byzantine de cette ville.

Ce sont les papyrus, surtout les papyrus grecs qui font nos sources. Ces papyrus qui constituent, bien entendu, une partie infime de la documentation qui circulait dans l'Oxyrhynchus byzantin, ne sont pas encore édités dans leur totalité, ce qui n'exclut pas la possibilité de la publication des papyrus contenant des données imprévues. De telles publications pourraient entraîner la révision de certaines conclusions. Le matériel papyrologique souffre d'une répartition chronologique inégale: nous disposons d'un nombre relativement grand de papyrus du IVe et du VIe siècles et d'un nombre moins important de textes du Ve et de la première moitié du VIIe siècle. Le caractère de la documentation change aussi. Le matériel du IVe siècle est très varié; les papyrus de la fin du Ve, du VIe et de la première moitié du VIIe siècles fournissent un tableau

unilatéral de la ville; la ville y est reflétée plutôt à travers de la documentation des grands domaines et personnes privées ce qui, probablement, n'est pas fortuit mais représente une conséquence inévitable de l'importance qu'acquerrèrent les grands domaines dans la vie économique et sociale.

A l'époque romaine Oxyrhynchus était un centre économique et culturel florissant avec de solides traditions d'instruction et de culture grecques. A la fin de cette époque et au commencement de l'époque byzantine les temples, le gymnase, le théâtre caractérisaient encore l'aspect de la ville. Au Ve siècle le tableau change. A la suite de la victoire du christianisme Oxyrhynchus devient un des principaux centres du monasticisme égyptien et les églises, les monastères et autres institutions religieuses remplacent les temples et les édifices païens. L'Oxyrhynchus romain était divisé du point de vue topographique et administratif en *amphoda* qui portaient les noms de principaux édifices publics, des groupes ethniques, des professions des habitants, etc. Au IVe siècle la plupart des dénominations reste en vigueur (certains noms d'origine païenne survivent jusqu'au VIe siècle) mais de nouvelles dénominations d'inspiration chrétienne font leur apparition. A l'époque romaine le territoire du nome ne dépendait pas administrativement de la ville. La municipalisation achevée par Dioclétien transforma formellement Oxyrhynchus en une cité qui incluait le territoire du nome tout entier, divisé bientôt en *pagi* (au moins dix) chacun sous la direction d'un *praepositus pagi* nommé par la curie. La victoire du patronat et l'octroi de l'autopragie à beaucoup de grands propriétaires fonciers et, probablement, à certains villages réduisirent le territoire dépendant du *praepositus* du *pagus* respectif et mirent en cause la capacité de la curie d'assurer le fonctionnement effectif de l'appareil fiscal. La solution fut trouvée dans la création de la pagarchie dont le territoire correspondait à celui de l'ancien nome.

La population de l'Oxyrhynchus byzantin comptait — jugeant d'après de données indirectes — 15—25 000 habitants. Du point de vue ethnique elle était hétérogène quoique moins variée qu'aux époques ptolémaïque et romaine. On peut parler de deux groupes principaux: les Égyptiens et les «Grecs» (y compris les éléments hellénisés). Les «Grecs» ont gardé leur position privilégiée même après la *Constitutio Antoniniana* et fournissaient de règle les cadres de l'administration municipale. Les autres groupes ethniques (Syriens, Juifs etc.) ne jouaient pas de rôle important dans la vie économique et sociale de la ville. Le *demos* est mentionné à côté la *boulé* dans quelques documents publics mais il n'y a pas de données qu'il ait participé effectivement à la prise des décisions d'importance réelle. Il n'en était pas de même avec les *phylai* créées en

206—7 en nombre de six. Leur nombre (elles ne coïncidaient pas avec les *amphoda*), leurs dénominations, la durée du cycle (*periodos*) des *phylai* changèrent quelques fois mais leur rôle dans le fonctionnement du système liturgique persista. Nous ignorons le nombre et la durée du cycle des *phylai* de l'Oxyrhynchus byzantin; il est sûr qu'elles fonctionnaient encore à la fin du IVe siècle.

Il est bien connu que la ville antique était avant tout un collectif de propriétaires fonciers. Naturellement, le caractère des relations agraires, leur évolution exerçaient une influence décisive sur la structure sociale et économique de la ville.

Un trait distinctif de cette évolution était un fort recul des terres appartenant à l'état, leur graduelle transformation en propriété privée accompagnée de la disparition de la terminologie respective. Au plus clair on peut suivre ce processus sur la base des données concernant la *gê basilikê*. Le même sort eurent la *gê dêmosia* et *ousiakê*. Quant aux domaines impériaux ils se sont non seulement conservés mais même accrûs à la suite de la politique des empereurs concernant les terres appartenant aux villes et de leur position privilégiée. Les domaines impériaux n'ont pas seulement soustrait à l'administration de la ville maintes terres y compris des terres qui jadis lui appartenaient et incorporé dans leur administration certains représentants de la population urbaine, les plus énergiques (curiales, militaires) mais ont aussi servi de modèle d'administration et gestion économique aux grands domaines privés en contribuant ainsi à l'épanouissement et à la consolidation des forces qui porteront le coup à la base sociale de la ville — aux milieux municipaux. Les domaines impériaux devinrent une des formes de la grande propriété foncière.

L'existence des terres municipales appartenant à la ville comme un tout faisait un de ses traits caractéristiques. Oxyrhynchus de même que les autres métropoles égyptiennes n'était pas une *polis* avant la conquête romaine et avait reçu le droit à un sénat seulement après 200. Il n'y a pas de sources confirmant l'octroi aux métropoles des terres municipales ni alors ni plus tard à l'achèvement de la municipalisation. Néanmoins les papyrus permettent d'arriver à la conclusion que de telles terres existaient au IIIe siècle. Peut-être ont-elles subsisté encore au IVe siècle, en tout cas en sa première moitié. Quant aux terres appartenant à la curie elle-même (et non en qualité de gérant des terres municipales), leur existence, témoignée par la législation impériale, n'est pas attestée de façon explicite à Oxyrhynchus. Si l'expression *ek dikaiou tetartamoirias* indique, comme nous avons essayé de le démontrer, des terres transférées à la curie, l'existence de cette catégorie de terres à Oxyrhynchus ne donne plus des doutes. Mais en conservant leur statut

juridique et leur dénomination ces terres ne sont pas restées à la disposition de la curie mais ont passé dans les mains des grands propriétaires fonciers. La diminution et, selon toute probabilité, la disparition de la propriété foncière de la ville ont joué — elles aussi — un rôle considérable dans l'affaiblissement des institutions municipales.

L'existence des terres publiques temperait en certaine mesure la poussée de la propriété foncière privée. Leur liquidation au commencement de l'époque byzantine aboutit à la domination complète de la propriété privée. Les données dont nous disposons permettent d'affirmer qu'à cette époque existait à Oxyrhynchus une nombreuse couche de la population possédant de la terre ou la labourant. Mais à la suite de lourdes conditions de vie un nombre considérable de propriétaires fonciers se ruina et perdit ses terres; parallèlement la grande propriété foncière laïque et ecclésiastique se développe. Cela ne veut pas dire que les grands domaines ont évincé complètement la petite et la moyenne propriété. Au contraire elles occupaient peut-être un territoire plus grand que les grands domaines dont le nombre et la superficie, à propos, pourrait aussi accroître avec de nouvelles publications. C'est tout une autre chose qui importe. Au IIIe et au IVe siècles les grands domaines n'existaient presque pas pendant que dès le Ve siècle ils se développent, s'affermissent, se transforment du point de vue économique et politique en importantes et puissantes unités sociales et continuent à jouer un rôle prépondérant jusqu'à la fin de l'époque byzantine. La propriété petite et moyenne ne s'affermi pas et ne s'accroît pas, la situation n'étant pas favorable à sa consolidation. Autrement dit, la tendance principale de l'évolution agraire consistait dans l'accroissement des grands domaines et la transformation des petits propriétaires fonciers libres en tenanciers dépendants.

Le problème des grands domaines fut posé par le premier volume des papyrus d'Oxyrhynchus avec lequel commença la publication massive des textes maintenant célèbres des archives des Apions. Les domaines des ces derniers dont l'histoire peut être suivie dès la fin du Ve siècle jusqu'au début de VIIe siècle ne sont pas les seuls témoignés par nos sources à Oxyrhynchus. Il y a plusieurs autres dossiers (moins riches) qui démontrent que les Apions ne présentaient pas un cas exceptionnel. À côté de la propriété foncière laïque un rôle important revenait à la propriété ecclésiastique qui se distinguait de la première par son mode de formation et d'accroissement et par son inaliénabilité au moins théorique. La propriété foncière ecclésiastique cédait le pas à la grande propriété privée du point de vue de la superficie, de la richesse, de l'influence économique mais typologiquement s'en distinguait peu à

l'exception des forces de contrainte, nombreuses et bien organisées chez les grands propriétaires privés et formellement inexistantes chez l'église.

L'influence qu'exerçaient les grands propriétaires fonciers sur l'évolution sociale et économique de la ville était diverse et s'opérait par différents canaux. La nouvelle noblesse issue essentiellement des milieux militaires et bureaucratiques, y compris quelques représentants de l'aristocratie municipale, a concentré entre ses mains de grandes ressources matérielles et un considérable pouvoir politique et militaire; elle était — formellement et de fait — indépendante de la ville. En même temps habitant à la ville et occupant souvent de hauts postes gouvernementaux les grands propriétaires pouvaient s'ingérer impérieusement dans les affaires de la ville. Il faut aussi tenir compte du fait qu'une partie de la ville dépendait d'eux soit directement (personnel et travailleurs des grands domaines) soit indirectement (locataires d'immeubles, fournisseurs de matières, factions du cirque, enfin écornifleurs de toute sorte).

La caractère agraire de l'économie de la ville non seulement n'excluait mais supposait même dans un certaine mesure un degré développé de la production artisanale et une vive activité commerciale destinées à satisfaire aux besoins de la production agricole en ce qui concerne les outils, le traitement des produits agraires, leur réalisation sur le marché. Il faut encore tenir compte de la demande des articles de consommation et des autres produits que devaient présenter les habitants d'une ville si peuplée et de sa région.

Le matériel papyrologique disponible nous a conservé plus de 90 dénominations de spécialités artisanales ayant trait à presque toutes les branches de la production. Nous ne sommes pas fondés à supposer qu'à Oxyrhynchus prédominait tel ou tel secteur de la production. Habituellement l'artisan est en même temps vendeur de sa production à l'exception des professions dont le caractère supposait seulement le travail sur commande. La production était de règle une petite production. Ce sont les artisans libres aidés par les membres de leur famille, parfois par des apprentis ou quelques salariés qui prédominent nettement. Les papyrus d'Oxyrhynchus confirment la tendance — propre à tout l'empire — vers le remplacement dans la production du travail servile par la main d'oeuvre libre. C'est l'héritage des professions qui était la source principale de cette main d'oeuvre; contrairement à l'opinion erronée de certains chercheurs elle n'avait pas de caractère forcé.

La production artisanale était soit unie soit étroitement liée à l'activité commerciale. Une certaine spécialisation existait dans ce domaine mais pas tellement détaillée (près de 30 dénominations de professions commerciales). On faisait de

règle du commerce avec des marchandises locales et ce commerce était destiné avant tout à satisfaire les besoins des habitants de la ville. Il prenait des formes différentes dont la plus répandue était la vente du produit par l'artisan ou le marchand dans son *ergastèrion* ou sur le marché. Le paiement en argent prédominait. D'autres formes de commerce étaient celui à crédit et le paiement anticipé de la livraison. L'activité commerciale était concentrée sur l'*agora* publique, les sources attestent encore à l'époque romaine le marché du *Sarapeion*, à l'époque byzantine le marché des cordonniers. Nous ne disposons pas de données relatives à l'organisation des foires spécialisées à Oxyrhynchus de même que de données indéniables attestant l'existence des foires locales dans les grands domaines.

Le commerce s'effectuait sous le contrôle des autorités mais ce contrôle variait en fonction de l'objet du commerce et de son importance pour l'état et pour la satisfaction des besoins vitaux des citoyens. Les données d'Oxyrhynchus appartiennent à la fin de l'époque romaine et au commencement de l'époque byzantine. Elles attestent l'intention des autorités de forcer les marchands à vendre leurs marchandises ouvertement sur le marché. Evidemment la vente ouverte garantissait — au moins théoriquement — l'observation des prix fixés pour le mois courant par le *logistès* sur la base des rapports des chefs des corporations sur le prix du mois passé, ces prix étant, selon toute probabilité, revus périodiquement en fonction du changement de la conjoncture. Malheureusement les papyrus d'Oxyrhynchus ne nous permettent pas de voir ce qui s'est passé au Ve et au VIe siècles.

Une particularité importante de l'activité artisanale et commerciale des villes égyptiennes à l'époque byzantine constituait l'épanouissement des corporations professionnelles. Le matériel papyrologique d'Oxyrhynchus permet d'élucider et de préciser divers aspects de la vie corporative mais vu l'absence des données non-oxyrhynchites, parallèles et différentes, on ne peut pas établir le degré de spécificité. Une particularité locale est constituée par l'existence à Oxyrhynchus à la fin du IIIe et au commencement du IVe siècles d'une administration collective (les *mèniarchai*) mais avec le temps l'administration par un chef unique, typique pour l'Égypte s'instaure à Oxyrhynchus aussi. Dans l'ensemble on peut dire que les corporations d'Oxyrhynchus malgré le rôle qu'elles jouaient probablement dans le règlement de certains problèmes de la vie urbaine, n'avaient jamais atteint l'importance des corps de métiers médiévaux.

Des changements de grande importance s'opérèrent dans la composition sociale de la population. La division dichotomique de la société en libres et en esclaves (l'esclavage ne fut jamais aboli à Byzance) formellement subsista. Mais la statistique des

données papyrologiques se référant aux esclaves et aux affranchis de l'époque byzantine et leur comparaison avec les données respectives de l'époque romaine démontrent d'une façon convaincante leur diminution considérable à l'époque byzantine de même que la diminution de leur rôle dans la production (il n'y a pas de texte d'époque byzantine qui pourrait témoigner de manière indubitable de l'emploi de la main d'oeuvre servile dans la production). On peut même fixer la ligne de rupture: c'est au IVe siècle que l'esclavage rend ses positions.

Des changements considérables intervinrent aussi dans la structure de la population libre d'Oxyrhynchus. A l'époque romaine elle se divisait du point de vue fiscal en personnes payant la capitation intégrale et personnes privilégiées payant une capitation réduite de 12 drachmes par an. Dans le but de se créer un fort appui social les Romains ont formé «une élite dans l'élite» en promouvant un groupe héréditaire fermé (les «*hoi apo gymnasiou*») qui fournissait les cadres de l'administration municipale. Au commencement du IIIe siècle après l'octroi du sénat la population l'Oxyrhynchus — sans annulation immédiate de la classification ci-mentionnée — fut divisée en curiales (*bouleutai*, plus tard *politeumenoï*) et habitants ordinaires (*idiôtai*).

A la lumière des données disponibles il est difficile d'établir d'une façon indiscutable les critères de sélection au sénat et le mode de la formation de la couche des curiales; on peut supposer qu'ils furent choisis parmi les membres les plus notables, riches et actifs des «*hoi apo gymnasiou*» et avant tout parmi les anciens magistrats. Les données papyrologiques témoignent que les curiales possédaient des terres, des maisons, des entreprises artisanales, des biens mobiles, y compris des esclaves. La majorité des curiales exerçaient de différentes fonctions dans le cadre de l'administration municipale, d'habitude consécutivement, parfois simultanément. Pour une juste évaluation de l'importance de cette couche urbaine il faut tenir compte de liaisons — de parenté, économiques, politiques et culturelles — entre les curiales d'Oxyrhynchus et entre ceux-ci et leurs collègues des autres villes égyptiennes (surtout l'aristocratie municipale d'Alexandrie).

La situation se modifie considérablement vers la fin du IVe siècle. Le nombre des textes se référant aux curiales diminue. On n'y parle presque plus de curiales actifs, responsables de tel ou tel secteur de l'administration municipale, de leur prospérité et activité économique. Mais ou de curiales dont le domaine d'activité n'est plus mentionné ou de curiales se trouvant aux services des domaines impériaux, ou menant une existence qui ne différait presque pas de celle des autres habitants, parfois de curiales liés ou dépendants de grands propriétaires fonciers.

En tout cas de règle hors de l'administration municipale. Les curiales essaient de s'esquiver à l'exercice des fonctions municipales en recourant à la *cessio bonorum* ou à la fuite. Dans les circonstances où la puissante couche des grands propriétaires fonciers se développait rapidement le repli des curiales liés à Alexandrie, la différenciation croissante, la désertion des membres les plus actifs et énergiques de la curie, la ruine des membres moins adaptés aux nouvelles conditions sociales et économiques, le complètement de la curie sous contrainte et souvent par des candidats de valeur inférieure devaient inévitablement porter un préjudice irréparable à la position sociale et économique des curiales.

Vers la fin du Ve siècle les curiales sont remplacés dans toutes les sphères d'activité (économique, sociale et politique) par les grands propriétaires fonciers qui comptaient dans leurs rangs non seulement l'aristocratie locale mais aussi des représentants de l'aristocratie provinciale et impériale. Occupant des postes importants dans l'administration ces grands propriétaires fonciers se transformèrent en une force indépendante de l'organisation municipale qui en même temps pouvait exercer sur elle une forte pression dans ses propres intérêts et dans les intérêts des groupes liés aux grands domaines.

Tout au plus, les grands propriétaires ne se tenaient pas totalement à l'écart de l'organisation municipale. Les publications récentes et une nouvelle interprétation des papyrus publiés auparavant permettent d'arriver à la conclusion qu'un nombre des fonctions municipales, y compris celle du président de la curie (le proèdre) continuait à exister même au VIe siècle mais ces fonctions étaient cumulées par une seule personne — un grand propriétaire foncier qui était en même temps *logistês*, *patêr poleôs* et *proedros*. Donc l'organisation municipale continuait à fonctionner seulement nominalement, elle n'était plus un collectif de magistrats avec une responsabilité bien définie, personnelle et collective. Les fonctions municipales perdirent le caractère des magistratures indépendantes. Malgré les différences existantes elles ont fusionné en nouvelles «combinaisons stables». Ce n'était pas l'homme qui était désigné mais «la maison» qui en était chargée, lorsque venait son tour, autrement dit, ces fonctions se sont transformées en *m u n e r a p a t r i m o n i i s u i g e n e r i s*. C'est pourquoi une femme pouvait exercer nominalement ces fonctions et une personne privée, un salarié du grand domaine pouvait être leur réel exécuteur. L'organisation municipale est devenue un appendice de la grande propriété foncière. Ce sont les grands propriétaires fonciers qui commandent.

Ainsi sous tous les rapports à la fin de l'époque byzantine Oxyrhynchus différait sensiblement de ce qu'il était à l'époque

romaine. Ces changements — moins frappants dans le secteur économique (production artisanale, commerce), très puissants dans le domaine des relations agraires et sociales et la vie religieuse et culturelle — ont donné à la ville un tout autre aspect, très différent de celui qui caractérise ce qu'on désigne d'habitude comme «ville antique». C'est dès le IVe siècle à la première moitié du Ve siècle que s'opéra la rupture. L'évolution ultérieure constitua l'achèvement logique des changements qui survinrent alors.

TABLE DES MATIÈRES *

Introduction(3): Choix du sujet de la recherche (3); histoire des fouilles (4); sources (7); historiographie (9).

Ch. I. La ville d'Oxyrhynchus (14): Situation géographique (14); nom (15); titulature et importance (15). *L'aspect extérieur de la ville (16)*. murs et portes (16); Thoëreion (17); Sarapeion (18); autres temples (19); théâtre (20); gymnase (21); bains (22); édifices administratifs (23); églises (24); monastères (26); institutions charitables (27); maisons privées (27). *La division administrative et territoriale (29)*; amphoda (29); rues (31). *La ville et le nome (32)*; toparchies (32); pagi (33); pagarchie (33).

Ch. II. La population (35): *La terminologie (35)*. *Le nombre de la population (37)*; à l'époque romaine (38); à l'époque byzantine (39). *La composition ethnique (41)*; considérations générales (41); Egyptiens (41); Grecs (42); Romains (43); Juifs (44); Syriens (44); autres groupes ethniques (45). *Les phylai (45)*.

Ch. III. Les relations agraires (48): *La terminologie (49)*. *Les terres de l'état (50)*. *Les terres impériales (51)*. *Les terres municipales (54)*; appartenant à la ville (54); à la curie? (57). *La propriété foncière privée (60)*; données des contrats d'affermage (60); de vente (63); des testaments (64); d'autres documents (65); la grande propriété foncière laïque (66); genèse et développement (66); les Apions et leurs domaines (69); autres grands propriétaires fonciers (80); la propriété foncière ecclésiastique (87); rôle de la grande propriété foncière (96). Conclusions (96).

Ch. IV. La vie économique (98): considérations générales (98). *La production artisanale (99)*; production du pain (100); de la huile (104); de la bière (106); des produits de boucherie (106); de la poterie (107); industrie des constructions (108); du bois (111); textile (112); des métaux (118); des cuirs et peaux (120); autres professions artisanales (121). *L'activité commerciale (121)*; terminologie (122); professions commerciales attestées à Oxyrhynchus (125); données indirectes sur le commerce (129); formes et organisation du commerce (133); marchés (134); contrôle de l'état (135). *Les caractères généraux de l'économie de la ville (137)*; composition sociale des artisans et des commerçants (137); hérédité des professions (139); attachement professionnel et territorial (141); cumul des professions (142); ateliers et boutiques (143); leur location (144); travail salarié (146); apprentissage (150); contrats de société (155); corporations professionnelles (158); conclusions (179).

Ch. V. Les relations sociales (182): *Considérations générales (182)*:

* Les chiffres entre parenthèses indiquent la première page de la division respective, les titres en italiques — les subdivisions du chapitre. Voir aussi pp. 12—13, 315 note et l'index des matières. L'auteur profite de l'occasion pour remercier ici tous les collègues qui l'ont aidé en lui envoyant leurs propres travaux et autres publications.

esclavage à Byzance et interprétation des données de la législation impériale sur l'esclavage (182). *Les esclaves et leur importance* (190): terminologie (190); données statistiques (194); travail servile (197); propriétaires des esclaves (200); sources de l'esclavage (203); répercussions de l'esclavage sur les relations sociales (207). *La population libre* (208): dōdekadrachmoi et hoi apo gymnasiou (208); curiales (211): terminologie et statistique (212); recrutement (213); situation économique (214); rôle social et politique (216); déclin de l'ordre curial (223); plèbe urbaine (225); grands propriétaires fonciers (233); puissance politique (227); puissance économique (230). *Le destin de l'organisation municipale* (232): activités de la curie (232); perte des prérogatives concernant l'administration municipale en faveur des grands propriétaires fonciers (233); fonctionnement des bains (234); maintien de l'ordre public (236); du service postal (238); organisation des fêtes (238); subvention des factions du cirque (240); mainmise des grands propriétaires sur l'organisation municipale (242); conclusions (247).

Conclusion (249).

Liste des abréviations (252).

Indices (298): *Index des sources* (298); *Index des matières* (309).

Addenda (315).

Résumé français (332).

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. Город Оксиринх	14
Внешний вид города	16
Административное деление	29
Город и ном	32
Глава II. Население	35
Терминология	35
Численность населения	37
Этнический состав	41
Городские филы	45
Глава III. Аграрные отношения	48
Терминология	49
Государственное землевладение	50
Императорское землевладение	51
Городское землевладение	54
Частное землевладение	60
Крупное светское землевладение	66
Крупное церковное землевладение	87
Глава IV. Экономика города	98
Ремесленное производство	99
Торговая деятельность	121
Основные особенности экономики города	137
Глава V. Социальные отношения	182
Общие замечания	182
Рабы и их значение	190
Свободное население	208
«Двенадцатидрахмики» и <i>hoi apo gymnasiou</i>	208
Куриалы	211
Городской плебс	225
Крупные землевладельцы	227
Судьба муниципальной организации	232
Заключение	249
Список сокращений	252
Указатель источников	298
Предметный указатель	309
Addenda	315
Résumé	332
Table des matières	341

Ицхок Фишелевич Фихман
ОКСИРИНХ—ГОРОД ПАПИРУСОВ

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *М. Д. Панасьянц*
Младший редактор *Н. А. Кочнева*
Художник *Э. Л. Эрман*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *Л. Е. Синенко*
Корректоры *В. В. Воловик* и *А. В. Шандер*

Сдано в набор 18/IX 1975 г.
Подписано к печати 26/VII 1976 г.
А-06667. Формат 60×90^{1/16}. Бум. № 2
Печ. л. 21,5. Уч.-изд. л. 24,8.
Тираж 3650 экз. Изд. № 121. Зак. № 753
Цена 1 р. 72 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1
3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28